

За окном — предзакатная, глухая, тоскливая мгла, какая бывает только поздней осенью, в ноябре. Она удваивает тяжесть и боль на душе. Несколько часов назад, 24 ноября 2015 года, в истории России и всего человечества произошло еще одно трагическое событие: турецкими ВВС подло, в спину, сбит наш бомбардировщик СУ-24, возвращавшийся на авиабазу без боекомплекта с боевого задания, выполняемого в Сирии по уничтожению боевиков ИГИЛ, террористической организации, запрещенной в России. А ведь считалось, что Турция — дружественная нам страна — широкий товарообмен, россияне безвылазно «паслись» на турецких курортах. Все мои знакомые и друзья ежегодно там отдыхают и в одиночку, и семьями и очень довольны: сервис, питание — на высшем уровне; турки гостеприимны, доброжелательны, услужливы, особенно в отношении к молодым женщинам — просто верх любезности, россиянок зовут Наташами. Прав, видно, русский император Александр III, который говорил, что у России нет иных друзей, кроме армии и флота. Так оно и есть. Не начало ли это третьей мировой войны, по сути, уже идущей на политико-информационном и экономическом уровне? Все страны ополчились против России, опять навалились на нее, как прежде «Антанта»; пока, Слава Богу, без объявленной войны, но подковерно-то она идет, так и не прекращаясь. Россию ненавидят за ее богатство и природную мощь, которыми многим бы хотелось завладеть.

Россия опять в одиночестве и опять надежда только на свои силы, свою военную мощь, на свой народ. Многострадальная Россия! Сколько войн во все времена было на ее территории! А на территории США — главного мирового агрессора — ни одной. Только их, гражданская, война между Севером и Югом полтора столетия назад, в которой в общей сложности погибло более 600 тысяч солдат. А потери россиян исчисляются миллионами. Весь мир устлан костями русского солдата. И вот — новые жертвы. Гибнут лучшие сыны нашей страны, образованные, высокопрофессиональные, преданные ей. Как горько это сознавать. Не забыть бы нам, всем россиянам, не растерять это острое, горькое ощущение невосполнимой утраты уже через месяц...

...Оба члена экипажа СУ-24 катапультировались, но один из них был расстрелян шквальным огнем боевиков, открытым по спускающимся на парашютах летчикам. Как мы всей семьей радовались, когда видели по

ТВ, что наши летчики уцелели и катапультировались, наблюдая на телеэкране их оранжевые спускающиеся парашюты. Как надеялись они выжить! Как болели мы за них! Уверена, что многие и многие россияне — и не только россияне — напряженно следили за теленовостями и также всей душой болели за наших летчиков, как за родных, близких людей. Гибель нашего российского летчика в сирийском небе я восприняла как личную утрату. Перед глазами все время стоят картины, показанные по ТВ: стремительно падающий горящий самолет, столб огненного пламени, взвившегося в небо после его удара о землю, купола раскрывшихся парашютов в небе; издали, с телеэкрана, как парашютики облетевших одуванчиков. Смотрели, затаив дыхание, всей семьей и первая моя реакция при виде парашютов:

— Слава Богу, экипажу удалось спастись!

Еще не знала, что один из катапультирующихся был расстрелян с земли.

Заснуть не дает картина глумления боевиков ИГИЛа над бездыханным телом нашего летчика. Какими нелюдями нужно быть, чтобы так глумиться и радоваться над беззащитно лежащим перед ними телом российского летчика! А он, чей-то любимый сыночек, муж, отец, брат, в своем боевом снаряжении лежит перед этой сворой и ничего уже не ведает. Сердце разрывается видеть это. А, может, его душа летает где-то рядом и наблюдает за всей этой картиной и плачет? Тогда я плачу вместе с ней над участью неизвестного мне летчика. Каково сейчас родным тех, кто проводил своих любимых мужчин в командировку и знает, что они воюют в сирийском небе. Наверное, каждый, прильнув к экрану телевизора, задается только одним вопросом: «Не мой ли это муж?» Или сын? Или папа? Ужас берет от одной этой мысли и еще оттого, что родные даже не увидят тело своего любимого человека, скорее всего, бандиты его просто растерзают или сожгут, как прозвучало с телеэкрана из уст одного из них. И даже могилки не будет, и родным некуда будет прийти и поклониться праху.

Всю ночь не сплю, оплакиваю погибшего, сочувствую его родным и молюсь о том, чтобы душа его упокоилась в раю. Говорят, что души павших на поле брани за свое Отечество попадают именно туда. Да будет так! Молюсь о том, чтобы изверги не растерзали тело летчика, и оно было найдено и передано России и его родным для христианского погребения.

Молюсь и за другого летчика: где он? Что с ним? Жив ли? Хочется верить, что хоть он-то жив. Господи, спаси его и помоги добраться до

в своих, или чтобы поискивики нашли его поскорее, чтобы не попал он в плен к нехристям. И представить невозможно, что они сделают с ним, как станут над ним издеваться и глумиться. Боже! Боже, Всемилостивый Боже! Спаси его, неизвестного мне летчика, но Тебе-то все известно, все ведомо. Я не знаю имен тех, за кого молюсь, но Ты-то знаешь, о ком молю, за кого прошу! Помоги ему! Спаси его!

...Выхожу из своей комнаты и вижу, что ни муж, ни брат не спят. В комнате мужа горит лампадка. Он тоже молится, я не спрашиваю, но, думаю, и его молитвы — за летчиков. В зале, где спит брат, всю ночь работает телевизор на новостном канале.

— Что-нибудь известно нового?— спрашиваю у него.

— Пока — все то же...

Присаживаюсь в кресло рядом и подробно расспрашиваю брата о том, как может катапультирующийся летчик подать о себе сигнал? Может ли он продержаться какое-то время? Есть ли у него все необходимое для этого?

Брат Володя — тоже военный летчик, полковник ВВС в запасе. Со всем недавно он служил в дальней бомбардировочной авиации, летал на таких же самолетах штурманом. И он мне рассказывает, что все необходимое, в том числе питьевой и продуктовый запас на несколько дней, есть. Это немного меня успокоило. Наблюдаю, с каким вниманием брат смотрит ночные, вернее, уже предутренние новости — он весь там, в сирийском небе.

— Тебе, наверное, тоже хочется там бомбить?— спрашиваю.

— Так точно!— кратко, по-военному отвечает он, как бы стараясь перевести разговор в шутку, но я-то хорошо знаю его натуру. Знаю, он всегда старается скрыть за шуткой то, что доставляет ему боль, что тревожит. Знаю, как хотелось ему в небо, как провожал взглядом каждый летящий самолет, подолгу следя за его полетом, когда уже по возрасту отстранен был от полетов и перешел на научно-преподавательскую работу в Военно-Воздушную Академию им. Ю.А. Гагарина, которую ранее и оканчивал и где успешно защитил кандидатскую диссертацию как раз по точности бомбометания; как каждый год упорно писал рапорты начальству, чтобы его допустили к полетам, и проходил медкомиссии, и радовался, когда получал такие допуски к полетам; как бредил одними полетами и штурманскими командами, когда находился в беспмятстве после тяжелой травмы и операции в военном госпитале. Он с раннего детства хотел быть военным летчиком и никем больше; заповсем читал

библиотечные книги про военных летчиков и про войну. Осуществил свою мечту и все помыслы отдавал ей, своей реализовавшейся мечте — потом и в науке, в академии, и когда, уйдя в запас, был приглашен в «ОКБ Сухого», где, уверена, работал бы и по сей день, не случись с ним такое несчастье, ведь так быстро он там пошел в гору на научно-исследовательском поприще, считаясь одним из перспективных сотрудников, и все потому, что всем сердцем любит свою нелегкую профессию и предан ей. Благодаря брату и я всю жизнь очень трепетно и неравнодушно отношусь к военным летчикам. Мне хорошо известна их нелегкая жизнь в военных городках, их частые ночные полеты, подъемы по тревоге, их великая профессиональная дисциплина и ответственность, их братство и взаимопомощь, наверное, еще и поэтому столь остро и сильно сопереживаю семье погибшего летчика и жалею, оплакиваю его самого.

Мы, вместе с Володей, молча, подавленно смотрим предутренние теленовости, ошарашенные случившимся. Не спится никому из взрослых в доме. Зашел в зал Слава, встревожено-вопросительным взглядом глянул на нас, на экран телевизора:

— Ну что там? Какие новости? Не нашли второго летчика?

— Пока нет.

— Понятно,— тихо и удрученно отвечает он и, уходя, просит:

— Если что-то новое сообщат, скажите мне. Я не сплю. Из его комнаты до нас доносится тихая, проникновенная молитва...

...Светает. Полнолуние. Пасмурно и грустно. Хоть бы спасли второго летчика! Надо лечь и попробовать заснуть. Уже шестой час утра...

Проспала почти четыре часа, проснулась в десять утра, умылась, причесалась и сразу же побежала узнать у Володи: что там, с нашим летчиком? Ура! Штурман жив и спасен! Вот радость-то его родным и нам всем!

— Не ранен ли? Как его состояние?— спрашиваю у брата.

— Пока об этом не говорили,— отвечает.

Опять, забыв про завтрак, всей семьей следим за теленовостями...

Что-то редко стала обращаться я к дневниковым записям, только когда случается что-то экстраординарное и переполняет болью настолько, что срочно хочется избыток этой боли, тревоги и смятения выплеснуть на бумагу. Легче становится...